

Часть первая

ЧЕРНОЖУКОВЫ

Глава I

Лето 1929 года

Полнолицая луна зависла в темном вечернем небе, созерцая утихшее и утомленное за день село. Сверху хорошо были видны соломенные крыши, смахивавшие сейчас на шляпки старых и перезрелых грибов. Хаты села Подкопаевка разлеглись полосами-улицами, будто разорвалась низка бус, ее бусинки рассыпались в разные стороны, покатались да и замерли под кронами развесистых деревьев, среди тенистых садиков, где-то между кустами и буйной зеленью огорода. Лишь несколько хат сверкали в холодном лунном свете железными кровлями, словно щеголяя блеском перед скромными своими соседками, натянувшими на головы соломенные шляпки. Наверное, они с завистью поглядывали днем на новую диковинную крышу, которую в селе называли бляхою, поскольку та днем необычно отражала солнечные лучи, ослепляя тусклые глаза скромных своих сестер. «Придет ли время, когда с нас сбросят трухлявые соломенные шляпы и их уже не будет кромсать разъяренный осенний ветер? Скоро ли надедут модные, надежные, железные, чтобы уже не бояться ни ветров, ни большого снега?» — мечтали хаты, глядя прищурившись на блестящие кровли домов местных богачей Черножуковых.

Так было днем. Но вот наступил тихий и кроткий, как весенний дождик, вечер. Постепенно утих сельский гвалт. Смолкли и задремали

сытые коровы, в конюшнях притихли лошади, уснули даже шумные гуси и утки. Люди заперли сараи и хлева, прикрыли навесы, спеша под крыши домов. Хаты тоже притихли, чтобы хозяева смогли спокойно отдохнуть после очередного летнего трудового дня. Постепенно свет в окнах погас, и село, наверное, погрузилось бы в сплошную темноту, если бы не эта полнолицая улыбающаяся луна на звездном небе да свет в одной из горниц Черножуковых. Там до сих пор суетилась молодая и красивая, как сам мир, младшая дочка Павла Серафимовича Черножукова — Варвара, или Ласточка, как ее часто называл любящий отец, или Мавка, как Варю иногда за глаза величали односельчане.

— Варька, это ты? — донесся с кровати хрипловатый сонный голос Вариной бабушки.

— А кто же еще? — улыбнулась Варя. — Кто еще здесь может быть?

— Не спишь? — спросила старушка, поворачивая голову на голос внучки.

— Сейчас буду ложиться, — ответила Варя. Она достала из-за лежанки вязанные шерстяные носки, подошла к бабке. — Вот, носочки наденем и будем спать, — сказала она мягко, будто ребенку.

Да и не ребенок ли ее бабушка Секлета? Через пять лет старушка отметит столетие, и уже давно она немощная и совсем слепая. Варя была еще маленькая, когда в глазах бабушки потускнел божий свет, их закрыла молочная пелена тумана, оставив старушке возможность жить воспоминаниями о прошлом, которые все чаще тоже укрывала лоскутками мглы. Бабушка постоянно мерзла, поэтому даже летом спала под одеялом, а на ночь Варя надевала ей теплые носки и жилет, которые сама связала из овечьей шерсти. Старушка послушно позволила втиснуть свое высохшее желтое тело в теплую одежду.

— Так лучше? — спросила Варя, заботливо подоткнув бабушке под бока теплое одеяло.

— Хорошо, хорошо, — произнесла старушка.

— Молочка налить?

— Нет, не хочу. Ложись уже спать, завтра родители разбудят до восхода солнца.

— Сейчас. Вы спите, бабуля, спите.

Варя дождалась, пока дыхание старушки выровнялось, потушила лампу и тихонько выскользнула на улицу. Луна уже поднялась высоко, залив все вокруг серебряным светом. Девушка невольно бросила взгляд на большую родительскую хату, возвышавшуюся на другой стороне просторного двора. Ее построил отец своими руками вместо той, где жила бабушка, но старушка упрямо не хотела перебираться в новое жилище. «Я сюда выходила замуж, здесь детей рожала, здесь мне и руки на груди сложат», — сказала как отрезала. Перечить ей не стали, потому что в семье старость уважали. Поэтому отец и мать Вари жили в новом доме, а девушка осталась возле бабушки в старенькой хате, под соломой и с глиняным полом.

Варя прошла мимо собачьей будки. Мохнатый рыжий увалень Туман загремел цепью, высунув голову и втягивая носом воздух. Варя тихонько окликнула его, чтобы пес случайно не залаял, прислушалась. Вокруг стояла мертвая тишина, лишь иногда подавала голос чья-то собака, заслышав поблизости соседского кота. Девушка приотворила калитку, слегка ее приподняв, чтобы не заскрипела, вышла со двора. Кажется, вокруг никого. Варя повернула направо, миновала свой новый дом, бросив на него взгляд: высокий, с большими окнами, с железной крышей. Его ей строит отец, как он говорит, «на приданое моей Ласточке». Если все пойдет хорошо, то осенью справят новоселье. Вот тогда Варя станет полноправной хозяйкой и просторного двора, и дома с высоким крыльцом под крышей, и сможет вволю вслушиваться в тихое поскрипывание новых половиц. Правда, девушка еще не знала, как оставлять бабушку одну в старенькой хате, но сейчас ее не это волновало.

Варя на мгновение остановилась. Казалось, сердце от волнения так стучит, что может разбудить соседей. Девушка прислушалась: не следит ли кто за ней? На миг показалось, что где-то под заборами или за соседскими плетнями мелькнула темная тень. Несколько минут Варя стояла, замерев и боясь даже вздохнуть полной грудью. Неужели Василий Морозенко следит за ней даже ночью? Днем попадаете на глаза там, где его не ожидаешь, выныривает, как привидение. Говорила уже, и не раз, чтобы оставил ее в покое, а он не обращает внимания. Никак не хочет этот Василий понять, что не люб он ей, совсем не люб! Мало ли красавиц в селе?! Так нет, прицепился к ней, как репей к кожиху. И что он в ней нашел? Обычная

девушка, худенькая, грудь маленькая, тонкие руки и ноги, простое лицо. Разве что пушистые светло-русые длинные косы... Папа иногда шутит, говоря, что ее косы толще талии.

Девушка, застыв, постояла несколько минут и снова шмыгнула вдоль по улице, затем свернула в переулок, который узенькой, позмеинному выгнутой лентой тянулся вниз до самой левады. Варя легко побежала, ни на мгновение не теряя бдительности. Она вслушивалась в каждый звук, но, кроме стрекотания сверчков в густой траве по обе стороны дорожки и фырканья лошадей на лугу, ничто не нарушало тишины.

Потянуло приятной влагой с озера. Варя даже видела его очертания в туманной дымке, молочной пеленой нависшей над притихшей водой. Казалось, на землю присело легкое облачко, замечталось, да так и замерло, купаясь в лунном серебре. Но у девушки не было времени любоваться окрестностями. Озеро осталось справа, а Варя, еще раз пугливо оглянувшись, быстро направилась туда, где застыли в немом ожидании тонкокосые стройные березки. Не в силах больше себя сдерживать, девушка ринулась напрямик, обжигая ноги росистой травой. Сердце безумно заколотилось, когда она заметила знакомую фигуру под деревом. Еще мгновение — и она в объятиях любимого!

— Ты пришел! — выдохнула она, ловя его торопливые горячие поцелуи.

— Дорогая, любимая, милая моя, — горячо зашептал юноша, целуя ее лицо. — Как я мог не прийти? Я летел на крыльях, а не шел! — пылко говорил он, прижимая ее к себе, а Варя подумала, что еще миг — и она захлебнется от счастья.

Они с самой ранней весны почти каждую ночь тайно встречаются на этом месте, а чувства не ослабевают, напротив, становятся все крепче. Она думает о нем каждое мгновение, каждую минутку, и от таких мыслей сердце наполняется приятной щемящей болью.

— Моя Варенька, моя любимая... — Андрей с восторгом посмотрел в ее прекрасные влажные глаза цвета неба. Из них лился теплый свет, окутывая парня нежностью, а само лицо с тонким носиком и полными губами в лунном сиянии казалось бледным и будто лучилось. Их лица сошлись так близко, дыхание смешалось, и они наслаждались этим сладким мгновением. Андрей не мог оторвать взгляда от ее глаз, сияющих счастьем. — Как же я тебя люблю! — прошептал он.

— И я тебя! — страстно ответила Варя. — Так люблю, что самой страшно становится!

— Почему?

— Не знаю, — она пожала худенькими плечиками, — потому что глупая.

Варя потрепала темные волосы Андрея, буйно вьющиеся на висках. Из-под усов парня блеснула улыбка, осветила все лицо, и оно стало круглее. Он обнял Варю за плечи, прижал к себе. Влюбленные молча зашагали между березами, дремавшими под лунным сиянием, распустив свои длинные косы. Около широкой березы они остановились. Андрей снял старенькую полотняную рубашку, расстелил на густой сочной траве. Варя села на нее, не отпуская его руку. Пьянящий запах ясноглазых ромашек, нежного росистого клевера, плечи и руки любимого — все вместе горячей волной окутало девушку, затуманило мысли, и ее губы потянулись навстречу горячим губам юноши. Все растворилось в лавине страсти и желания, растекшейся по телу.

— Люби меня, дорогой, люби без памяти, — прошептала она, обнимая теплое мускулистое тело Андрея. Хотелось растаять в нем до конца, до последнего вздоха. — Люби так, будто это в первый и в последний раз.

— Да, любимая, да, — словно прошелестели его губы.

Варя и Андрей сидели некоторое время молча, прильнув друг к другу.

— Так бы всю жизнь, — мечтательно произнесла Варя.

— Так и будет, милая моя, — отозвался юноша и крепче прижал к себе Варю, обнимая за плечи.

— Правда?!

— Да, — подтвердил он, а потом прибавил: — Если твой отец позволит нам пожениться.

— А почему ты думаешь, что он будет против?

— Потому что ты такая...

— Какая?

— Хорошая, красивая! — восхищенно произнес парень.

— Красивая? — улыбнулась Варя. — Мама говорит, что такую худую и недокормленную никто замуж не возьмет.

— Глупости! Ты — самая лучшая! Ты — необыкновенная!